

Л. Е. Куббель

ПРОИЗВОДЯЩЕЕ ХОЗЯЙСТВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Направление исследований, намеченное в статье В. А. Шнирельмана, представляется весьма перспективным. Оно может дать немало нового не только для решения проблем этногенеза, но и для освещения некоторых других достаточно важных вопросов истории человечества. К числу таких вопросов принадлежит связь между производящим хозяйством и появлением политической организации.

В нашей литературе сложилось представление об однозначной связи между этими сторонами жизни человеческого общества, вернее — об однозначной обусловленности возникновения политической структуры существованием производящего хозяйства. Логика такой точки зрения вполне очевидна: политогенез неразрывно связан с классовым генезом. Появление же в обществе антагонистической классовой структуры в известных науке материалах как будто неизменно сочетается с производящим хозяйством. Обращаясь к намеченной в статье В. А. Шнирельмана периодизации становления последнего, можно прийти к выводу, что она такой взгляд подтверждает. В самом деле, до настоящего времени нам известны случаи возникновения ранних форм политической организации только на этапе *Б* указанной периодизации, т. е. когда производящее хозяйство уже существовало, пусть даже в качестве второстепенного уклада в рамках хозяйства присваивающего. Естественно при этом и то, что политогенез в обществах вторичных очагов формирования производящего хозяйства протекал быстрее, чем на более ранних стадиях в очагах первичных.

Возрастание сложности руководства обществом в обстановке усложнения хозяйственной деятельности и расширения ее масштабов в свою очередь требует и усложнения структур, осуществляющих такое руководство. Иными словами, делает неизбежным начинающуюся специализацию этой структуры как отражение начала специализации соответствующей функции. В частности, в новых условиях резко расширяются масштабы перераспределения общественного продукта; появление специализированных органов руководства обществом требует направлять на их содержание все большую долю этого продукта. Это происходит параллельно процессу накопления материальных и духовных ценностей в немногих руках и в конечном счете превращает новые управленческие структуры уже в орудие классового господства!

Как общая схема описанная выше концепция безусловно справедлива. Тем не менее исследования последних десятилетий привели к установлению некоторых фактов,

не вполне с этой картиной согласующихся. Среди следствий этого важнейшее место занимает, пожалуй, осознание того, что, признавая классогенез и политогенез разными сторонами единого и диалектического по сути своей процесса, нельзя ставить вопрос о чисто хронологической их последовательности: сначала-де — классообразование, а затем уже — складывание политической организации на базе ранее существовавшей потестарной. Что же касается материальных предпосылок этого единого процесса, то в последних отечественных работах по истории первобытности сформулирован тезис о том, что решающую роль вначале играл не столько тип хозяйства, сколько наличие регулярного избыточного продукта, превращающегося затем в прибавочный, а также совокупный размер массы такого продукта в данном коллективе ¹.

На протяжении нескольких десятилетий в нашей науке примером обществ, не создавших производящего хозяйства, но все же в силу особо благоприятных природных условий вплотную приблизившихся к рубежу классового общества, считались высоко-специализированные рыболовы и охотники на морского зверя северо-западного побережья Северной Америки. Сейчас число примеров этого рода можно умножить хотя бы за счет аналогичных обществ побережий Флориды или Перу. Однако важно не число примеров само по себе.

Дело в том, что представлять себе дело таким образом, будто те же жители американского северо-западного побережья «подшли к рубежу», но не смогли его переступить из-за недостаточного уровня развития своей экономики, не вполне корректно в логическом отношении. Прежде всего мы не знаем, отсутствовала ли в принципе возможность самостоятельного сложения классовой структуры, скажем, у тлинкитов на базе их традиционного присваивающего хозяйства, если бы их спонтанное развитие не было прервано контактом с европейцами. Конечно, история не знает сослагательного наклонения. Но все же повторю: главную роль играли масса прибавочного продукта и регулярность его получения, но не способ такого получения. И то и другое у тлинкитов было достаточно ярко выражено. И в этом смысле вполне допустимо предполагать, что тлинкитское общество могло бы превратиться в по-настоящему классовое, так и не создав производящего хозяйства. А следовательно, не исключена была и возможность сложения у них политической организации в полном смысле этого слова.

С другой стороны, недавние исследования американских археологов и культурных антропологов показали возможность появления относительно сложных потестарных структур типа вожества и у охотников и собирателей ². Иначе говоря, вожество как позднетестарная структура, непосредственно предшествующая политической, оказывалось возможным и на такой экономической основе. Конечно, и в этом случае нельзя утверждать, что такое вожество самостоятельно переросло бы в раннее государство; но и исключать возможность такого развития у нас нет достаточных оснований.

Следовательно, стоило бы проявлять известную осторожность, не постулируя одностороннюю зависимость появления политической организации от наличия производящего хозяйства — во всяком случае при нынешнем уровне наших знаний. Значит, мы можем поставить вопрос и более широко, чем сделал это В. А. Шнирельман: исследование проблемы становления производящего хозяйства в разных регионах земного шара, анализ локальных вариантов этого общеисторического процесса позволят пролить дополнительный свет и на те явления в социально-политической сфере, которыми этот процесс сопровождался.

¹ См., например, История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988.

² King T. F. Don't that Beat the Band? Nonegalitarian Political Organization in Prehistorical Central California // Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating / Ed. Ch. Redman a. o. N. Y., 1978.